

№ 2

ФАНТАСТИКА И ДЕТЕКТИВЫ

Журнал «Фантастика и Детективы»

Сборник

**Журнал «Фантастика
и Детективы» №2**

«ИП Анпилова Н. А. (Сипета)»

2012

Сборник

Журнал «Фантастика и Детективы» №2 / Сборник — «ИП Анпилова Н. А. (Сипета)», 2012 — (Журнал «Фантастика и Детективы»)

В номере: Генри Каттнер, Кэтрин Л. Мур. Сплошные неприятности Джеймс Ганн. Где бы ты ни был Алексей Константинович Толстой. Поток-богатырь

© Сборник, 2012

© ИП Анпилова Н. А. (Сипета), 2012

Содержание

Сплошные неприятности	5
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Коллектив авторов Журнал «Фантастика и Детективы» № 2

Сплошные неприятности Генри Каттнер, Кэтрин Л. Мур

Генри Каттнер, Кэтрин Л. Мур

Кэтрин Люсиль Мур, его жена. Каттнер и Мур почти всегда писали вместе.

У нашего Лемуэля три ноги, и мы прозвали его Неотразимчиком. Когда началась война Севера и Юга, Лемуэль уже подросток, и ему пришлось прятать лишнюю ногу между лопаток, чтобы не возбуждать подозрений и сплетен. Нога под одеждой на спине делала его похожим на верблюда, иногда она дергалась от усталости и била его по позвоночнику, однако все это не очень беспокоило Лемуэля. Ведь его принимали за обыкновенного двуногого! И он был счастлив.

Мы, Хогбены, на своем веку не раз попадали в передраги. Теперь каша заварилась из-за беспечности Неотразимчика. Он ко всему относился спустя рукава.

Не виделись мы с Лемуэлем лет шестьдесят. Он жил в горах на Юге, а вся наша семья – в Северном Кентукки. Вначале мы решили добраться к нему по воздуху, но когда подлетели

к Пайпервиллю, собаки на земле невероятно разбредались, жители высыпали из домов и уставились на небо. Мы вынуждены были вернуться. Папин па сказал, что придется отправиться в гости к родственнику обычным способом, как все люди. Я не люблю путешествовать ни по суше, ни по морю. Когда мы в 1620 году плыли к Плимут-Року, мне вывернуло всю душу. Куда приятнее летать! Но с дедом мы никогда не спорили, папин па у нас глава семьи.

Папин па взял где-то напрокат грузовик и туда уложили все пожитки. Правда, не сразу нашлось место малышу – он весил около трехсот фунтов, и корыто, в которое его поместили, занимало чудовищно много места. Зато с дедом обошлось без хлопот: мы положили его в старый джутовый мешок и засунули под сиденье. Сборы, конечно, легли на мои плечи. Па выпил пшеничной водки и все только прыгал на голове и напевал: «Летит планета кувырком, кувырком, кувырком...». А дядюшка вообще не захотел ехать. Он улегся под ясли в хлеву и сказал, что погружается лет на десять в спячку.

– И чего вам дома не сидится? – бурчал он. – Полтыщи лет вы ежегодно весной отправляетесь куда-то мотаться! Нет уж, я вам больше не компания...

Так и уехали без него.

Когда наши переселились в Кентукки, рассказывали мне, там было голое место, и пришлось изрядно попотеть, чтобы устроиться. Однако Неотразимчик не захотел коптеть над постройкой дома и улетел на юг. Там он зажил тихой дремотной жизнью, просыпаясь по-настоящему раз в год-два, чтобы как следует выпить. Лишь тогда с ним налаживалась мозговая связь.

Оказалось, Лемуэль устроился на развалившейся мельнице в горах над Пайпервилем. Когда мы подъехали, то первым долгом увидели на балконе Лемуэлевых бакенбарды. Сам Неотразимчик похрапывал в опрокинувшемся кресле – очевидно, сон был приятный, и он не проснулся, когда упал. Будить мы Лемуэля не стали. Корыто затащили в дом общими усилиями, а потом па и папин па выгрузили спиртное.

Поначалу у всех было хлопот полон рот – в доме не нашлось ни крошки. Наш Неотразимчик побил все рекорды сибаритства: даже не варил горячего. Он приноровился гипнотизировать обитавших в окрестных лесах енотов, и те сами являлись к нему на обед. И до чего только может дойти лень! Еноты очень ловко действуют лапками, и Лемуэль заставлял их раскладывать костер и самих себя поджаривать. Интересно, свежевал он зверей или нет? А когда Неотразимчику хотелось пить, он – стыдно сказать! – собирал над головой небольшую тучку и устраивал дождь прямо себе в рот.

Впрочем, сейчас нам было не до Лемуэля. Ма раскладывала вещи, па присосался к кувшину пшеничной, и мне снова пришлось на своей спине таскать тяжести. Все это было бы еще полбеды, но на мельнице не оказалось никакого электрического генератора! А наш малыш жить не мог без электричества, да и папин па пил его как верблюд. Неотразимчик, конечно, пальцем о палец не ударил, чтобы поддерживать воду в запруде на должном уровне, и вместо реки по высохшему руслу тек тощий ручеек. Нам с ма пришлось здорово пораскинуть мозгами, пока мы не соорудили в курятнике печку.

Однако настоящие неприятности начались после того, как о нашем приезде пронюхали местные власти.

В один прекрасный день, когда ма стирала во дворе, появился какой-то плюгавый тип и страшно удивился, завидев нас (я как раз тоже вышел из дому).

– Хороший выдался денек, – сказала ма, – не хотите ли выпить, сударь?

Незнакомец ответил, что не прочь, и я зачерпнул ему ковш нашей пшеничной. От первого глотка он чуть не задохся, затем поблагодарил и допил, однако повторить не захотел, а сказал, что, если мы так гостеприимны, пусть лучше дадим ему раскаленный гвоздь и он его с удовольствием проглотит.

– Недавно приехали? – спросил он.

– Да, – ответила ма, – в гости к родственнику.

Плюгавый взглянул на балкон, где восседал спавший каменным сном Неотразимчик:

– А он, по-вашему, жив?

– Будьте уверены, – ответила ма, – как огурчик.

– Мы думали, он давно умер, – сказал плюгавый, – даже избирательный налог с него не взимали. Теперь, надеюсь, и вы будете платить, раз поселились здесь. Сколько вас народу?

– Человек шесть.

– Все совершеннолетние?

– У нас, значит, па, да этот – Сонк, да малыш...

– Сколько ребенка?

– Он совсем крошка, ему и четырехсот не будет, правда, ма? – вмешался я.

Но ма вlepила мне затрещину и приказала не перебивать старших. Плюгавый ткнул пальцем в мою сторону и сказал, что не в силах определить мой возраст, и я готов был провалиться сквозь землю, так как сбился со счета еще при Кромвеле и теперь сам не знал, сколько мне лет. В конце концов плюгавый решил взимать избирательный налог со всех, за исключением малыша.

– Но это еще не главное, – сказал он, что-то помечая в своей книжечке. – Вы должны правильно голосовать. У нас в Пайпервиле один босс – Эли Гэнди, и организация у него работает как часы... С вас со всех двадцать долларов.

Ма отправила меня поискать денег. Но у папиного па оказался только один денарий, и он сказал, что стащил его еще у какого-то Юлия Цезаря и денарий дорог ему как сувенир, па опустошил кувшин пшеничной и от него я ничего не добился, а у малыша нашлось всего три доллара. В карманах Неотразимчика я обнаружил лишь старое скворчиное гнездо и в нем два яйца.

– Ничего, утро вечера мудреней, – сказал я и спросил у плюгавого: – А золото вы берете, мистер?

Ма опять влепила мне затрещину, плюгавый же страшно развеселился и сказал, что золотом будет еще лучше. Наконец он вышел и направился в лес и вдруг припустил так, что пятки засверкали: навстречу ему попался енот с пучком веточек в лапках для костра. Значит, наш Лемуэль проголодался.

Я стал искать металлолом, чтобы к завтрашнему дню превратить его в золото, но назавтра мы уже очутились за решеткой.

Мы все могли читать мысли обыкновенных людей и заранее узнали об аресте, но не стали ничего предпринимать. Папин па собрал всех, кроме малыша и Неотразимчика на чердаке и объяснил, что нам надо хранить втайне свои способности и не возбуждать подозрений местных жителей.

Во время его спича я загляделся на паутину в углу, и папин па заставил мои глазные яблоки повернуться в его сторону, а затем продолжал:

– Стыдно мне за здешних мошенников, но нам лучше им не перечить. Инквизиции теперь нет, и нашему здоровью ничто не угрожает.

– Может, лучше спрятать печку? – спросил было я, но получил от ма очередную затрещину за то, что перебиваю старших.

– Только хуже будет, – пояснила она на словах. – Утром здесь шныряли сыщики из Пайпервиля и все высмотрели.

– Вы пещеру под домом сделали? – спросил папин па. – Вот и отлично. Спрячьте нас с малышом в пещере, а сами идите. – И добавил со старинной вычурностью, которую любил: – Сколь жалка судьба человека, засидевшегося на этом грешном свете и дожившего до мрака времен, освещаемых лишь солнцем доллара. Пусть встанут деньги мошенникам поперек горла... Не надо, Сонк, я сказал просто так, не заставляй их глотать доллары. Постараемся, дети, не обращать на себя излишнего внимания. Как-нибудь выкрутимся.

Папин па с малышом залез в пещеру, а нас всех арестовали и отправили в Пайпервиля, где поместили в здание со множеством клеток, похожее на птичник. Похрапывавшего Неотразимчика тоже выволокли, он так и не проснулся.

В птичнике-тюрьме па применил свой любимый трюк и ухитрился напиться. Надо вам сказать, это даже был не трюк и не фокус, а настоящая магия. Сам па не мог его толком объяснить и ссылался на какую-то чертовщину. Он говорил, например, что алкоголь в теле человека превращается в сахар. Но как же он превратится в теле в сахар, если попадает не в тело, а в живот? Тут без колдовства не обойдешься. Мало того, па говорил еще, что с помощью ферментов наострил сахар у себя в крови превращать обратно в алкоголь и оставаться навеселе, сколько хочешь. Видно, эти его приятели ферменты были форменные чернокнижники! Правда, он чаще отдавал предпочтение натуральному спиртному, но проделки колдунов ферментов не раз сбивали меня с панталыку...

Из тюрьмы меня привели в какое-то помещение, заполненное людьми, предложили стул и начали допрашивать. Я прикинулся дурачком и твердил, что ничего не знаю. Но вдруг один субъект объявил:

– Эти горцы абсолютно первобытные люди, однако у них в курятнике урановый реактор! И они, конечно, не могли построить его сами!

Публику настоящий столбняк хватил.

Затем они снова начали приставать ко мне с вопросами, но ничего не добились и отвели обратно в камеру.

Постель моя кишела клопами. Чтобы их уничтожить, я выпустил из глаз особые лучики и только тогда заметил тщедушного человека с воспаленными небритыми щеками, проснувшегося на верхних нарах. Он изумленно уставился на меня и быстро-быстро моргал.

– Во всяких тюрьмах я гнил и с кем только не скучал у одного рундука, но с дьяволом в одной дыре первый раз. Меня зовут Амбрустер, Стинки Амбрустер, сижу за бродяжничество. А ты за что, приятель? Прикарманывал души по бешеной цене?

– Рад познакомиться, – сказал я. – Вы, наверное, страшно образованный человек, я таких изысканных выражений ни от кого не слышал... Нас притащили сюда без всяких объяснений, всех взяли, даже спавшего Лемуэля и подвыпившего па.

– Я бы тоже с удовольствием шарахнул стаканчик-другой, – заметил мистер Амбрустер. – Может, тогда у меня не лезли бы глаза на лоб оттого, что ты ходишь, не касаясь ногами пола.

Я действительно был несколько выбит допросом из колеи и забылся. Получилось, что я на глазах у чужих валяю дурака. Я рассыпался в извинениях.

– Ничего, ничего, я давно всего этого ждал, – заворочался мистер Амбрустер и поскреб щетину на щеках. – Пожил я, покуролесил в свое удовольствие, вот и начал ум за разум заходить... Почему же, однако, вас всех арестовали?

– Они говорят, из-за реактора, где мы расщепляем уран, но это ерунда. Зачем я буду щепать уран? Вот лучину щепать – другое дело...

– Отдай ты им этот реактор, а то не отвяжутся. Здесь идет крупная политическая игра – через неделю выборы. Начали было поговаривать о реформах, да старина Гэнди всем глотки заткнул.

– Все это очень интересно, но нам надо поскорей домой.

– А где вы живете?

Я сказал, и мистер Амбрустер задумался:

– Наверное, ваш дом на той реке, то есть ручье... на Большой Медведице?

– Там даже не ручей, а ручеек.

– Гэнди называет его рекой Большой Медведицы! – рассмеялся мистер Амбрустер. – И заработал на этом названии кучу денег! Ручей пятьдесят лет как высох, но десять лет назад Гэнди построил на нем дамбу ниже вашей мельницы и отхватил жирный куш. Дамба так и называется: Гэнди-дамба.

– Неужели он сумел обратить дамбу в деньги?

– Ага, значит, сам дьявол этого не может? А Гэнди может. У него в руках газеты, а это все равно что открытый банковский счет, хо-хо! Гэнди взял и провел себе ассигнования на строительство... Кажется, за нами.

Вошел человек со связкой ключей и увел мистера Амбрустера. Скоро пришли и за мной. Я очутился в большой ярко освещенной комнате, где были и па, и ма, и Неотразимчик, и мистер Амбрустер, и еще какие-то рослые парни с пистолетами. Кроме них, там сидел тощий сморщенный коротышка с голым черепом и подлыми глазенками. Этого лысого все слушались и называли мистером Гэнди.

– Мальчишка, по-моему, довольно глуповат, – заговорил мистер Амбрустер, когда я вошел. – Если он и сделал что плохое, то не нарочно.

Однако на него прикрикнули и стукнули по голове, а этот мистер Гэнди взглянул из угла на меня по-змеиному и спросил:

– Кто вам помогает, мальчик? Кто построил атомную электростанцию в сарае? Отвечай правду, или тебе сделают больно.

Я так поглядел на него, что меня немедленно тоже стукнули по макушке. Вот чудак, не знают, какая крепкая у Хогбенов голова. Меня дикари пробовали каменными топорами по голове бить, да все племя до того уморилось, что пикнуть сил не хватило, когда я их стал потом топить. Но мой сосед по камере заволновался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.